

К тому же он, в конце концов, был современным человеком, так что отвечал на вопросы сплошь простыми, разговорными фразами. К тому же сейчас его голова была забита совсем другим, и отвечать на задания у него не было никакого желания — в основном он просто нёс всякую чушь, лишь бы отделаться. Когда все сдали свои свитки, Лу Тинъи уселся прямо там же проверять работы.

Цзи Цинчжоу же отсутствующим взглядом поглядывал на Ту Даю, чувствуя, что с тем творится что-то неладное.

С другой стороны, услышав, что евнухи сдали работы, Дун Дун привел Маленького императора.

Он не смел относиться спустя рукава к тому, о чём просил его Вашество Князь, и сегодня кровь из носу должен был помочь Маленькому императору выбрать подходящего слугу по душе.

Кто бы мог подумать, что, едва дойдя до входа в Дворцовую школу, он увидит спешащего к ним бледного маленького евнуха, который с размаху плюхнулся перед Дун Дуном на колени. Маленький император испугался этого евнуха, и Дун Дун тут же прикрикнул на слугу:

— Чего паникуешь?

— Пощадите, господин Дун... Осмелюсь спросить, здесь ли вторые покои князя? Во дворец ли Вашество Князь? — торопливо спросил евнух.

— Зачем тебе князь? — поинтересовался Дун Дун.

Евнух с перепуганным лицом выпалил:

— Этот... тот евнух, что предавался разврату с кем-то в Павильоне Фэнсянь... его нашли!

— Что? — услышав это, Дун Дун сильно изменился в лице. У него упало сердце, он резко развернулся и бросился к Кабинету Юйшуфан.

Эксклюзивная публикация на Цзиньцзян.

Когда весть долетела до Кабинета Юйшуфан, Ли Чжань как раз просматривал доклады. Услышав новость, он замер и подсознательно посмотрел на Дун Дуна.

Дун Дун тоже растерялся и озадаченно уставился на князя, не сразу сообразив, что означает этот взгляд.

Ли Чжань отложил киноварную кисть, окинул взглядом пришедшего с докладом евнуха и

спросил:

— Где нашли?

— Докладываю Вашему Величеству — то есть князю, человека обнаружили в пруду с лотосами, его уже выловили, но рабы не смеют сами принимать решения, поэтому пришли доложить князю, — затараторил евнух.

Взгляд Ли Чжаня застыл. Сам того не ведая, о чем-то задумавшись, он на мгновение выпал из реальности. Однако вскоре он вернулся к обычному состоянию, перевел взгляд на Дун Дуна и спросил:

— Как прошло письменное испытание?

— Письменное испытание... — Дун Дун не понял, к чему этот вопрос, и поспешно ответил: — Подчиненный только подошел к Дворцовой школе, но, услышав об этом и не смея медлить, сразу прибежал докладывать князю.

Видя, что Ли Чжань молчит, Дун Дун добавил:

— Но среди отобранных в тот день евнухов никто не должен был отсутствовать, иначе господин Лу наверняка прислал бы кого-нибудь с докладом.

Подразумевалось, что тот человек, которого, судя по словам евнуха, вытащили из пруда с лотосами, точно не сдавал письменный экзамен.

— Мм, — отозвался Ли Чжань и произнес: — Я пойду взгляну, а ты ступай в Дворцовую школу и сделай то, что должен.

Дун Дун поспешно ответил и снова направился в Дворцовую школу.

Пруд с лотосами во дворце был не слишком большим и располагался в дальнем углу Императорского сада, окруженный искусственными горами и невысокими деревьями. В обычные дни, если не было нужды, слуги почти не ходили здесь. Тем более что сезон цветения еще не наступил, и ухода это место не требовало.

Но сегодня угол у пруда с лотосами был плотно облеплен множеством евнухов, а некоторые даже осмелившиеся дворцовые служанки прятались неподалеку и заглядывали туда.

На мокрой земле у кромки воды лежало тело. Труп был совершенно наг/ой, лишь на поясе кто-то набросил отрезок ткани, чтобы прикрыть срам. На обнаженной пояснице и спине смутно угадывалось множество синяков. Впрочем, из-за того, что тело долго было в воде, оно

слегка раздулось, а кожа приобрела синевато-белый оттенок, отчего следы побоев уже не казались столь бросающимися в глаза.

— Это точно он?

— Ты пришел поздно и не видел, у него же сзади все в синяках — сразу видно, что осталось от б/у/д/ы/с/т/в/а с кем-то!

— Сидел бы себе евнухом, так нет же, потянуло с мужчинами сношаться! Теперь вот, когда поднялся шумиха, свои же любовники и прихлопнули, да?

— Хорошо хоть нашли, а то из-за его грязных делишек всю Палату евнухов перевернуло бы вверх дном...

Зеваки-евнухи переговаривались наперебой. Сначала в их словах слышалось нечто вроде жалости к погибшему, но вскоре, похоже, они очерствели, иные даже радовались, что этот человек умер — иначе, если бы и вправду задело Палату евнухов, неприятностей не оберешься.

— Князь идет! — кто-то подал знак, и толпа мгновенно склонила головы, отступая в сторону.

Ли Чжань неожиданно для себя увидел на земле труп, и на его лице едва заметно промелькнуло странное выражение.

Взгляд Ли Чжаня скользнул по телу, зацепившись за синяки на плечах и пояснице, и он замер на секунду. Труп был тщедушным, сразу видно — юноша, и это на мгновение заставило Ли Чжаня погрузиться в задумчивость.

— Князь, как нам с этим поступить? — тихонько осведомился кто-то из евнухов.

Ли Чжань отвел взгляд и холодно бросил:

— Почему не доложили евнуху Яо?

При этих словах лицо евнуха изменилось, он выглядел слегка смущенным.

Увидев его физиономию, Ли Чжань сразу всё понял.

Слухи в последнее время нагнали такого страха на Палату евнухов, что все ходили как на иголках. Теперь, когда виновного наконец нашли, если обращаться к Яо Чанъаню, это неизбежно вызовет лишние языки, особенно те цензоры при дворе — они точно станут придирааться. Поручить это дело Регенту было гораздо надежнее: в конце концов, он стоял

выше всех остальных, и если решение примет он, при дворе наверняка никто не посмеет возразить.

К тому же человек уже мертв, к чему вся эта суета, вряд ли кто-то станет еще как-то измываться над мертвым телом?

Дворцовая школа.

Проверив работы, Лу Тинъи нахмурился и вздохнул, словно сокрушаясь, что в таком огромном императорском дворе среди стольких евнухов не нашлось ни одного толкового. Впрочем, винить этих евнухов не стоило — просто Лу Тинъи был учителем Сына Неба, и требования к сочинениям у него зашкаливали.

— Господин Лу, князь считает, что при выборе слуги для Вашего Величества не стоит заикливаться на литературном слоге, главное — чтобы Вашему Величеству нравилось, — обратился к Лу Тинъи Дун Дун.

Лу Тинъи тяжело вздохнул и с недовольством произнес:

— Тогда к чему было поднимать такой шум?

— Как-никак, выбираем слугу для Вашего Величества, нельзя же относиться спустя рукава, — возразил Дун Дун.

Лу Тинъи поперхнулся от его слов, спорить не захотел, поднялся, отвесил поклон Маленькому императору и удалился.

Когда Лу Тинъи ушел, Дун Дун окинул взглядом присутствующих евнухов, откашлялся и объявил:

— У меня есть один вопрос. Тот, кто ответит на него лучше всех, получит шанс стать личным слугой Вашего Величества.

Услышав это, люди устремили на Дун Дуна взгляды, в которых читалось ожидание.

Лишь Цзи Цинчжоу отрешенно опустил голову, вид у него был крайне озабоченный.

— Кто из вас сможет объяснить Вашему Величеству, что такое б/у/д/ы/с/т/в/о? — задал вопрос Дун Дун.

Его Регент велел выбрать человека красноречивого, и хотя сам Дун Дун понятия не имел, что

значит красноречивый, он вспомнил, что в тот день самого князя этот вопрос застал врасплох. Наверное, тот, кто сумеет толково ответить, вполне заслуживает пройти дальше.

Только он не ожидал, что после этих слов лица всех евнухов в комнате мгновенно поблекнут.

Они все это время сидели в Дворцовой школе и понятия не имели, что творится снаружи. Услышав слово б/у/д/ы/с/т/в/о и вспомнив те зловещие слухи, от которых трясло всю Палату евнухов, они подсознательно решили, что за вопросом Дун Дуна кроется какой-то подвох, и тут же затаили дыхание, не смея издать ни звука.

— Никто не знает, как ответить? — Дун Дун наугад ткнул пальцем в одного из евнухов: — Ты, говори.

Маленький евнух перепугался до смерти, долго что-то мямлил, не в силах выдать из себя ни слова, и с грохотом рухнул на колени.

— Я велел тебе отвечать, чего ты падаешь? — с недовольством спросил Дун Дун.

Поскольку он обычно неотлучно находился при Регенте, его считали лицом, приближенным к князю. Заметив недовольство на его лице, окружающие испугались еще сильнее и один за другим попадали на колени, подоблов подолы.

Цзи Цинчжоу как раз витал в облаках и не сразу сообразил, в чем дело, а когда опомнился, вокруг все уже стояли на коленях, и только он один одиноко возвышался посреди комнаты. Ту Даю сидел через одно место от него и протянуть руку, чтобы дернуть друга, уже не успевал.

Дун Дун посмотрел на юношу и произнес:

— Цзи... Цинчжоу, тогда отвечай ты.

— А? — юноша растерялся, и на его красивом лице отразилось искреннее недоумение.

— Объясни Вашему Величеству, что такое б/у/д/ы/с/т/в/о, — потребовал Дун Дун.

Раз уж во всей комнате никто из евнухов не смел раскрыть рот, оставалось спросить Цзи Цинчжоу.

Услышав это, Цзи Цинчжоу на мгновение опешил. Не успел он даже подумать, как Маленький император семенящей походкой подбежал к нему и задрал голову, уставившись на Цзи Цинчжоу огромными, полными жажды знаний глазами.

Цзи Цинчжоу: ...

Когда небо уже начало сумеркиться, Ли Чжань вышел из Ведомства тщательных наказаний, где временно содержалось тело.

Дун Дун давно ждал снаружи. Увидев, что судебный лекарь отошел подальше, он с вопросительным выражением посмотрел на Ли Чжаня.

— Это он? — спросил Дун Дун.

— Мм, — тихо отозвался Ли Чжань.

Дун Дун тут же облегченно выдохнул, мысленно пообещав себе, что с этим делом наконец покончено. Прежде у них не было подходящих людей во дворец, чтобы вести открытое расследование, но оставлять всё как есть было чревато неприятностями.

Теперь же, раз личность евнуха установлена и он мертв — это несчастье в счастливом исходе.

Он хотел расспросить дальше, но от Ли Чжаня так и веяло холодом — было очевидно, что продолжать разговор князь не намерен.

Дун Дун поспешно кашлянул, меняя тему:

— Слугу для Вашего Величества выбрали.

Ли Чжань небрежно бросил:

— Кто?

— Ха-ха, — Дун Дун вспомнил что-то смешное и расхохотался: — Цзи Цинчжоу.

Его слова заставили шаги князя едва заметно замедлиться. Дун Дун тут же добавил:

— Всё выбрано по воле и приказу князя: Ваше Величество издревле жаловал тех, кто пригож лицом, а сегодня, едва увидев маленького господина Цзи, так и расплылся в улыбке...

Раньше, не будучи уверенным в том, как именно его князь относится к маленькому господину Цзи, Дун Дун старалсяшний раз не упоминать его при Ли Чжане. Но теперь, когда тот стал личным евнухом императора, видаться им придется часто, и скрывать это уже не было нужды. К тому же, с того дня, когда князь велел перенести письменный экзамен на три дня позже, Дун Дун почувствовал, что при всей внешней строгости князь все-таки питает к юноше некоторую

слабость.

— Этот маленький господин Цзи и впрямь писанный красавец, да к тому же из ученой семьи: хоть и евнух, а от него так и веет ученостью. Немудрено, что Вашему Величеству он приглянулся, — продолжал трещать Дун Дун. — А главное — тот вопрос, который в прошлый раз поставил князя в тупик, он сегодня взял да ответил!

Ли Чжань повернулся к нему:

— И как же он ответил?

— Говорит... б/у/д/ы/с/т/в/о — это когда две живые души достигают некой гармонии бытия, — отрапортовал Дун Дун.

Ли Чжань: ...

Незаметно пролетело десять глав~ В этой главе выпускаем для всех красные конверты в честь того, что маленький господин Цзи нашел работу! [смайлик с собачьей головой]

Примечание: Мем про «гармонию бытия» взят у учителя Лян Юйшэна, первоначальный смысл там совсем другой, ха-ха! Маленький господин Цзи просто несёт чушь!

Спасибо Фу Ди за 1 брошенную мину~ Чмок!

Спасибо маленьким ангелам за подпитанную питательную жидкость: «Я держу синие правила для Дун Цзюня» +20; «Вода и ветер бесшумно падают на цветы перед глазами» +5; «Си Цзянь», «Фу Ди», «Маленький Цзи молчит» по +1~ Чмок!

Эксклюзивная публикация на Цзиньцзян.

Результаты сегодняшнего письменного экзамена стали для Цзи Цинчжоу полнейшей неожиданностью.

Он никак не думал, что затея увенчается успехом.

Не говоря уже о завистливых и ревнивых взглядах проваливших экзамен евнухов, он и сам пребывал в некотором оцепенении. Хотя он твердо вознамерился уклониться от сюжетного пути оригинальной книги, избежать этого всё равно не удалось.

Быть слугой Маленького императора означало, что отныне придется не только прислуживать ему за учебой, но и, боюсь, то и дело сталкиваться лицом к лицу с Регентом. При одной мысли

об этом человеке у Цзи Цинчжоу внутри всё сжималось.

— Не переживай, князь с людьми мягок и обходителен, а Ваше Величество хоть и мал, но не капризен, прислуживать ему легко, — по дороге из Дворцовой школы Ту Даю всю подбадривал Цзи Цинчжоу. — Если будешь усердно услуживать перед императорским тронем, глядишь, через пару лет и вправду удастся вымолить милость, чтобы Ваше Величество отпустил тебя из дворца. Тогда сможешь продолжить род семьи Цзи.

Цзи Цинчжоу пришел в себя и озадаченно спросил:

— С чего это тебя так заботит продолжение рода семьи Цзи?

— Я... так, к слову пришлось, — уходя от его взгляда, пробормотал Ту Даю.

Цзи Цинчжоу вздохнул: сейчас его должны волновать вовсе не обязанности евнуха при императоре, а те слухи о Павильоне Фэнсянь. Впрочем, тревоги эти длились недолго: на половине дороги к ним подбежал младший евнух и на ходу выложил Ту Даю последние дворцовые новости.

— Что ты сказал? — поразился Цзи Цинчжоу, обращаясь к нему.

— Ты... — мальчишка был с ним не знаком, но, услышав вопрос, всё же ответил: — Теперь во дворце все знают. Пока вы были в Дворцовой школе, об этом уже растрепали повсюду.

Ту Даю с невозмутимым видом слегка дернул Цзи Цинчжоу за рукав и спросил евнуха:

— Чем дело-то кончилось?

— Сам Регент лично велел осмотреть тело, думается, ошибки быть не может, так что наша Палата евнухов наконец-то может вздохнуть спокойно, — отрапортовал евнух.

Когда мальчишка удалился, Цзи Цинчжоу словно озарило: он резко повернулся к Ту Даю.

Тот открыто и просто улыбнулся в ответ, почесал затылок, но ничего не сказал.

Оба понимали, что место неподходящее, и молча дошли до своего двора.

Вскоре Ту Даю приволок коробку с едой, выставил на стол вино и закуски — вид у него был превеселый. Он плеснул вина себе и Цзи Цинчжоу, затем молча чокнулся своей чаркой о край чужой и залпом осушил кубок.

Цзи Цинчжоу не притронулся к алкоголю, лишь глядя на него, тихо спросил:

— Ты убил его из-за меня?

— Не смотри на меня так, — Ту Даю протянул руку, словно хотел потрепать Цзи Цинчжоу по голове, но на полпути опустил ее. — Невинного человека я бы не тронул, не бойся!

Цзи Цинчжоу замер:

— Кто это был?

— Тот самый евнух, что в день дворцового пира подменил ароматические палочки в Павильоне Фэнсянь, он же и пустил слухи, — ответил Ту Даю.

Значит, тот, кто мастерил пакости в тот день, и тот, кто распускал сплетни в последнее время, действительно были одним лицом... Только вот... замешанный евнух наверняка служил лишь чужим орудием. Больше всего Цзи Цинчжоу опасался того, кто стоял за кулисами. Но раз уж это орудие вывели на свет, можно было надеяться, что истинный кукловод теперь не скоро посмеет снова высунуться.

— Ты... — глядя на Ту Даю, Цзи Цинчжоу с трудом верил, что этот человек способен убить. Дело было вовсе не в страхе или отвращении — в конце концов, тот заступился за него, — просто выросший в обществе с развитой правовой системой юноша никак не мог свыкнуться с реальностью происходящего.

— Как ты это устроил? — спросил Цзи Цинчжоу.

— Мне помогли, не я сам руки марал, — ответил Ту Даю. — Когда я в прошлый раз смазывал тебе раны, я тайком запомнил, где именно у тебя синяки. Конечно, свежие следы не всегда могут сойти за настоящие, но тело ведь побывало в воде — думается, этого хватило, чтобы всех обмануть.

Только теперь Цзи Цинчжоу всё понял. Очевидно, Ту Даю задумал это не сегодня: скорее всего, он спланировал всё еще в те дни, когда только поползли слухи — если не раньше, иначе с чего бы ему заучивать расположение синяков на теле Цзи Цинчжоу? И лишь когда толки стали нарастать как снежный ком, и Цзи Цинчжоу уже был готов махнуть на всё рукой, Ту Даю решился на этот шаг.

— Тебе не стоило идти ради меня на такое! — вымолвил Цзи Цинчжоу.

— Больше об этом ни слова, — Ту Даю протянул чарку с вином Цзи Цинчжоу. — Запомни раз и навсегда: история с Павильоном Фэнсянь от начала и до конца тебя не касается. Тот евнух, что был там в ту ночь, уже мертв.

Цзи Цинчжоу оставалось лишь кивнуть, чувствуя, будто всё происходящее — лишь сон.

В то же время в нем крепло любопытство к тому загадочному лицу, что стояло за спиной Ту Даю.

Судя по его догадкам, те, кто мутил воду в Павильоне Фэнсянь, были так или иначе связаны с кланом дяди императора по матери Цю, а значит, помогавшие Ту Даю люди принадлежали к совершенно иной силе. Раз уж они смогли всего за несколько дней выудить всю подноготную, бесшумно направить острие копья на истинного виновника и повернуть всё без сучка и задорки — методы этого человека явно превосходили даже хитрость клана Цю.

Цзи Цинчжоу посмотрел на Ту Даю, думая про себя, что в этой жизни тот благополучно миновал смертельную ловушку, а значит, и дальнейший сюжет из-за этого изменения непременно свернет на непредсказуемые рельсы.

Раз так, его собственное будущее вовсе не обязано было быть погруженным во тьму.

Вскоре весть разлетелась за пределы дворца, и на утреннем докладе на следующий день было вынесено окончательное решение:

Тот самый евнух из слухов, предававшийся запретной страсти в Павильоне Фэнсянь, не выдержав нарастающего общественного давления, бросился в озеро и утонул.

Цензоры прежде пеклись главным образом об осквернившем покои наложниц евнухе, а второй участник их интересовал мало. Узнав, что евнух покончил с собой, устыдившись греха, они потеряли всякий интерес к расследованию, и на этом дело было закрыто.

Во всем дворе не нашлось ни единого человека, кто потребовал бы разыскать второго участника.

— Наконец-то с этим покончено, — переодевая Ли Чжана после утреннего приема в парадные одежды, с облегчением вздохнул Дун Дун. Раньше он боялся, что если слухи разрастутся, они заденут князя и подмочат его авторитет. Увидев сегодня, что больше никто не допытывается правды, он почувствовал тайную радость.

Но сам князь, казалось, ничуть не радовался — на его лице не было и следа расслабления, напротив, оно омрачено было недовольством.

— Разве князь не рад такому исходу? — рискнул спросить Дун Дун.

— Чему тут радоваться, — холодно бросил Ли Чжань. — Просто тошно смотреть, как эти людишки полны высоких слов о морали, а на деле поступают иначе. Участвовали в б/у/д/ы/с/т/в/е двое, почему же в конце концов про второго все благополучно забыли?

Дун Дун не умел размышлять о столь высоких материях и лишь осведомился:

— Неужели князь хотел, чтобы они уперлись рогом?

— Забудь... — зная, что толковать с Дун Дуном бесполезно, Ли Чжань покачал головой и закрыл тему.

Пережив всё это, он вдруг отчетливо осознал свое нынешнее положение во дворце. Прежде, не вмешиваясь в государственные дела, он не слишком интересовался дворцовыми интригами и просто исполнял свой долг. После смерти прежнего императора он внезапно стал Регентом: казалось, власть его огромна, но во всем дворце не было ни единого человека, кому он мог бы доверять.

Раньше он всегда действовал осторожно и осмотрительно, но в день пира все равно угодил в ловушку, едва не натворив бед. Не появившись тогда внезапно тот младший евнух, под удар попала бы сестра дяди императора по матери Цю, и последствия такого поступка он даже боялся вообразить.

А вчерашний труп евнуха, найденный в пруду с лотосами — по результатам осмотра тот умер вовсе не сам, его убили. Кто бы ни стоял за этим, Ли Чжаню приходилось признать: в столице зреет скрытый бунт, и если он сам не начнет плести сети, в дальнейшем ему придется туго на каждом шагу.

— В Палате евнухов у нас должны быть свои люди, — спокойно произнес Ли Чжань.

Дун Дун обрадованно просиял:

— Князь мудр, давно пора было так сделать!

Поразмыслив немного, Ли Чжань велел:

— Ты теперь часто бываешь при дворе, присмотришь хорошенько.

— Князь, подчиненный считает, что один подходящий человек у нас уже есть, — высказался Дун Дун.

<http://bllate.org/book/21165/2144619>